

В диссертационный совет 03.2.010.01,
созданный на базе федерального
государственного казенного
образовательного учреждения высшего
образования «Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Муриной Юлии Викторовны «Уголовно-правовая характеристика халатности», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. - Уголовно-правовые науки

Нормы об ответственности за должностные (служебные) преступления вызывают немалый интерес у ученых-криминалистов, а достаточно высокая востребованность у правоприменителя одной из этих норм: об ответственности за халатность — объясняется в том числе стремлением государства противодействовать весьма распространенной, традиционной и вредоносной служебной безалаберности отечественного чиновничества, все более широкое понимание которого — чиновничества — следует из постоянных трансформаций редакции дефинитивной нормы (пункт 1 примечаний к ст. 285 УК РФ), что говорит о стремлении законодателя расширить и пределы действия ст. 293 УК РФ.

В описании состава халатности в названной уголовно-правовой норме немало противоречий, вызванных в том числе объективной сложностью конструкции соответствующего состава: способно ли бездействие причинить соответствующие общественно опасные последствия, можно ли

относить к таким последствиям неисчисляемый (материальный) и неформализуемый за счет отсылки к гарантированным Конституцией правам и свободам вред, если статья предусматривает ответственность исключительно за неосторожное причинение названных общественно опасных последствий, то почему текст запрета не учитывает требований ч. 2 ст. 24 УК РФ? А как соотносится состав халатности с составами причинения по неосторожности вреда в процессе производственной и иной профессиональной деятельности? И т.д.

Несмотря на обширную литературу, посвященную проблемам квалификации халатности, значительная часть указанных проблем удовлетворительного теоретического решения так и не нашла.

Сказанное предопределяет вывод о безусловной **актуальности** предпринятого диссертантом исследования.

Творческий, самостоятельный характер диссертационного исследования, обращение автора к значительному числу литературных источников, анализ ведущихся в науке дискуссий с вынесением на обсуждение сложных с точки зрения теории проблем, и, главное, выработка на этой основе собственных подходов к решению задач правоприменения и законотворчества позволяют говорить о **научной новизне** рецензируемого труда. Умелое использование автором методологического аппарата, оригинальность основанных на результатах научных поисков решений дает основание заключить, что в работе освещена **важная научная проблема**, имеющая к тому же несомненную **практическую значимость**.

Подход к определению структуры работы представляется методологически верным, позволяющим логично, последовательно изложить выявленные диссертантом проблемы и их решения.

В первой главе обсуждается – хотя и очевидная, но все же не для всех

– социальная обусловленность установления уголовной ответственности за халатность, здесь же вопрос исследован в сравнительно-правовом аспекте. Вторая глава содержит развернутую уголовно-правовую характеристику соответствующего преступного деяния. Третья посвящена проблемам отграничение халатности от смежных составов преступлений и совершенствованию нормы об ответственности за халатность.

Автором обобщен и осмыслен богатый эмпирический материал.

Как редактор отраслевого периодического издания с более чем четвертьвековым опытом рецензирования научных трудов отмечаю высокий уровень изложения материалов исследования.

Есть, полагаю, основания для того, чтобы поддержать Ю.В. Мурину в большинстве отстаиваемых ею суждений. Поддерживая позицию автора в целом, выскажу одновременно возражения по поводу некоторых его взглядов. Свои возражения выделяю в отзыве как **замечания**.

1. В целом положительно оцениваю позицию автора при определении им того, что названо в работе «механизмом причинения вреда объектам халатности» (с. 84, 3 положение), поскольку понимаю страдающее в результате совершения преступного деяния конкретное общественное отношение предметно – у такого отношения есть субъекты и отношения между ними можно определить, как это и делает автор, как реализацию прав и законных интересов граждан и т.д.

Замечания

1) Если я правильно истолковал редакцию утверждения диссертанта, интересы общества и государства, страдающие в результате преступления, он выводит за пределы названных общественных отношений (положение 3): «...причиняет прямо или опосредованно существенный вред одному или нескольким общественным отношениям, в которых реализуются права и законные интересы граждан, организаций, интересам общества или

государства...». Однако в таком определении объекта преступления видится противоречие – автору надо пояснить, что он понимает под объектом преступления: общественные отношения, интересы, иное?

2) Ю.В. Мурина продолжает (положение 3): «...интересам общества или государства, что в свою очередь может подорвать авторитет указанного органа (организации) и государства в целом». Почему только «может подорвать», а не «подрывает»? И каков механизм такого подрыва? И можно ли в принципе рассматривать деяние подрывающим авторитет аж целого государства, если норма об ответственности за такое деяние относит его к преступлениям небольшой тяжести?

2. В целом положительно оцениваю позицию автора, состоящую в том, что «деяние должностного лица, которое явилось необходимым условием причинения вреда другим лицом, следует признавать причинно связанным с данным вредом, если на должностное лицо возлагалась специальная правовая обязанность действия, совершение которого исключило бы причинение вреда, и такое лицо имело реальную возможность действовать» (с. 123 и далее, положение 4).

Замечание

Автор, предваряя приведенное положение, утверждает: «причинная связь при халатности может быть как прямой, так и опосредованной». Опосредованный характер причинной связи признают многие исследователи, в том числе упомянутые в рецензируемой работе, и даже, на что также ссылается диссертант, Конституционный Суд. А вот мне это утверждение представляется спорным: неумышленное отношение к вредным последствиям от действий иных лиц или сил природы можно рассматривать как влекущее вменение состава, но тогда его нельзя называть причиной вредного последствия, следовательно, в причинной связи с последствием оно не находится. Если же рассматривать деяние

порождающим последствие, то есть являющимся его причиной, то, во-первых, соответствующее действие или бездействие нужно оценивать как влекущее последствие прямо, а не опосредованно, а, во-вторых*, к последствиям относить не собственно общественно опасное последствие (например, смерть человека или уничтожение имущества), а создание обстановки, в которой реализована возможность причинения вреда. Проще говоря, **причинную** и в то же время **опосредованную связь** между явлениями я теперь не признаю (раньше признавал).

3. Полностью поддерживаю предложения автора, состоящие в том, что необходимо «во-первых, указать на неосторожный характер последствий, во-вторых, изменить формулировку признака, характеризующего отношение к службе или обязанностям по должности, исключив слово «небрежное», поскольку небрежность как разновидность неосторожности может характеризовать отношение к последствиям, а не к службе и обязанностям» (положение 5).

Несмотря на то что путем трактовки текста нормы и сопоставления санкций ст. 293 и 285 УК РФ я и сам вывожу неосторожный характер халатности, но делаю это, как и правоприменитель, вынужденно и руководствуясь телеологическим толкованием (оговорка «по смыслу закона»). А кто-то другой вполне может и иной смысл здесь увидеть. Правильно оценена Ю.В. Муриной и юридико-техническая оплошность, в результате которой характеристика деяния как «небрежного» в ст. 293 УК РФ относится к действию и бездействию, тогда как близкое по значению однокоренное существительное (правда, скорее имеющее дефинитивно-девизное значение) в ч. 3 ст. 26 УК РФ – к интеллектуальному элементу соответствующего вида неосторожной формы вины.

4. Согласен с автором в том, что «главным критерием разграничения халатности и злоупотребления должностными полномочиями при

выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285⁴ УК РФ) является форма вины. Первое из указанных преступлений неосторожное, второе – умышленное» (положение 6).

Замечание

Однако в том же положении 6 также утверждается, что «главный критерий разграничения халатности и нарушения должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа (ст. 285⁵ УК РФ), – признак субъекта». Из этого утверждения следует, что диссертант считает предусмотренное ст. 285.5 УК РФ деяние неосторожным, с чем согласиться нельзя.

Вывод диссертанта не соответствует ч. 2 ст. 24 УК РФ ни в узком понимании этой нормы, основанном на позиции Конституционного Суда (Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П), ни в широком ее понимании Пленумом Верховного Суда, разъяснившим, что «исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления» (п. 4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»).

5. В целом поддерживаю широкое понимание автором тяжких последствий халатности, указанием на которые как на квалифицирующее обстоятельство она предлагает дополнить ст. 293 УК РФ (положение 7).

Замечание

В то же время хотелось бы, чтобы автор показал механизм развития причинной связи между нарушениями в деятельности должностного лица и таким последствием, как, в частности, самоубийством и покушением на самоубийство. В работе сделана ссылка на подобные судебные решения, однако обстоятельства дел не приведены (с. 204).

Как видно из приведенных замечаний, отмеченные спорные положения не влияют на положительную оценку рецензируемого труда, представляющего собой самостоятельное творческое исследование серьезной научной проблемы, имеющей важное теоретическое и непосредственное прикладное значение.

Изложенное позволяет заключить, что выводы и положения, сформулированные диссертантом в процессе исследования, научно обоснованы и достоверны.

Выводы:

1. Диссертация Муриной Юлия Викторовна **«Уголовно-правовая характеристика халатности»** является научно-квалификационной работой, содержащей решение задачи, имеющей значение для развития науки уголовного права, что соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (далее – Положение о присуждении ученых степеней).

2. Диссертация соответствует критериям, установленным п. 10 Положения о присуждении ученых степеней.

3. Основные научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях, что соответствует п. 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней.

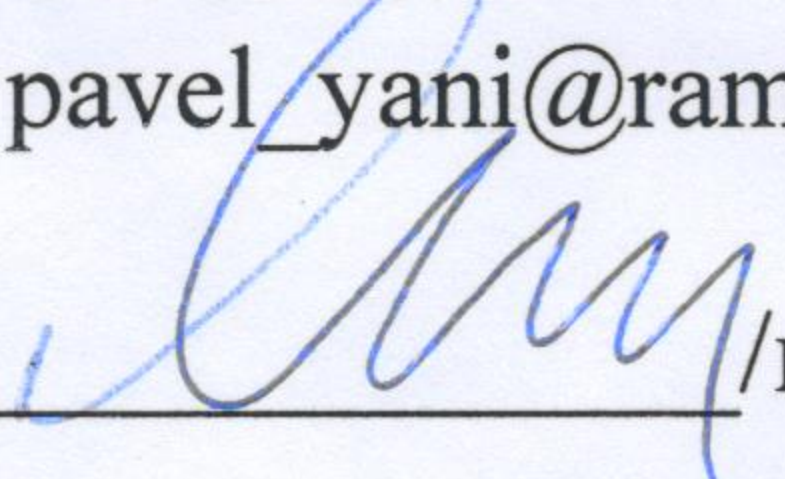
4. Автор диссертации Мурина Юлия Викторовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности научных работников 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ

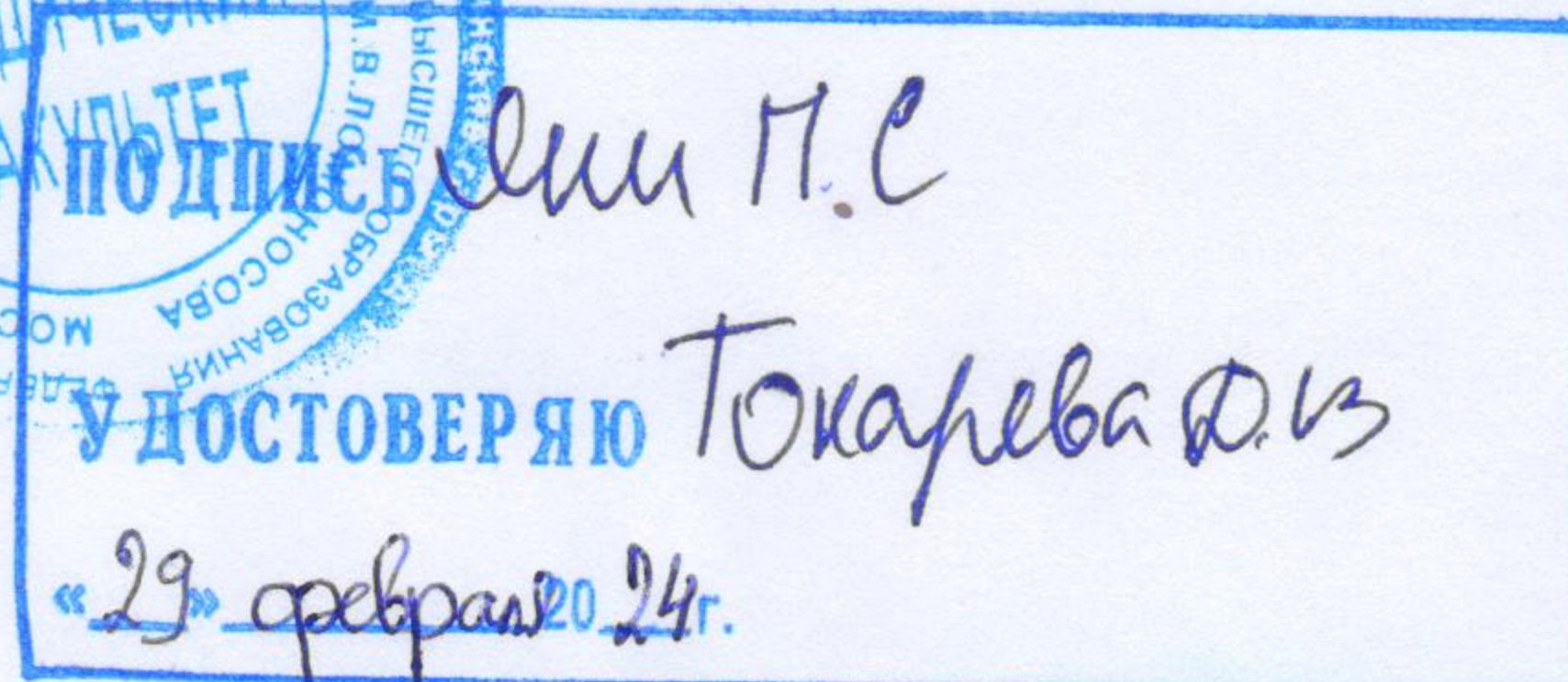
Яни Павел Сергеевич
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова», доктор
юридических наук, профессор, научная специальность 12.00.08
(уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Тел.: 89859208898

E-mail: pavel_yani@rambler.ru

 /подпись/

«29» февраля 2024 г.

Юридический факультет федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Адрес: 119991, ГСП-1, г. Москва,

Ленинские горы, д. 1,

корп. 13-14 (4-й учебный корпус), ауд. 429а, 430а

(499) 706-00-60, E-mail: office@law.msu.ru